

The background of the cover is a reproduction of the painting 'The Fall of the House of Usher' by Edgar Allan Poe. It depicts a woman in a white lace-trimmed dress sitting in a dark, ornate chair in a room with a window showing a stormy landscape. The title and author's name are overlaid on a dark horizontal band across the top of the painting.

ЭДГАР УОЛЛЕС
ВОРОТА ИЗМЕНЫ

«Ворота измены» — роман выдающегося британского писателя и драматурга Эдгара Уоллеса (1875–1932). ***

Высокопоставленный военный спасает жизнь своей дочери ценой отказа от карьеры.

Уоллес Эдгар — популярный автор детективов, прозаик, киносценарист, основоположник жанра «триллер».

Эдгар Уоллес Ричард Горадио — автор множества трудов: «Фальшивомонетчик», «Бандит», «Дюссельдорфский убийца», «Тайна булавки», «Зеленый Стрелок», «Лицо во мраке», «У трех дубов», «Мститель», «Шутник», «Пернатая змея» и других.

Эдгар Уоллес ВОРОТА ИЗМЕНЫ

Глава 1

По команде «К ноге!» тридцать один штык сверкнул на солнце, тридцать одна рука молниеносно опустилась по швам. Будто отлитая из стали, вытянулась линия ярко-красных мундиров. Медвежьи шапки безукоризненно сидели на головах гвардейцев. Бравурные звуки марша резко оборвались, когда последний ряд сменного караула скрылся за углом Белой Башни.

— Отступить назад!

Боб Лонгфелью вложил саблю в ножны, поправил монокль и засмотрелся на маленькую часовню по соседству, обласканную утренним летним солнцем. Но тут к нему приблизилась какая-то полная дама с путеводителем в руках. Стоявший рядом сержант вытянулся в струнку и с неуловимой улыбкой наблюдал за ней.

— Простите, сэр!

Боб был выше шести фунтов ростом, поэтому голос посетительницы донесся к нему снизу. Дама была в маленькой шляпке, отделанной жемчугом, с большой драгоценной брошкой у декольте, с лицом раскрасневшимся от жары. Боб заметил тройной подбородок и крупный, почти мужской нос.

— Мне очень жаль... гм! — пробормотал он.

— Не подскажите, где могила леди Джен Грэй? — пророкотала толстуха глубоким басом.

Боб сощурил глаза, словно только что вышел из темного помещения на залитую солнцем улицу.

— Леди?..

— ...Джен Грэй, сэр!

Боб беспомощно посмотрел на сержанта, нервно покручивая усы.

— А вы уже побывали на кладбище? — Он надеялся отделаться этим вопросом.

— На каком кладбище, сэр?

Боб обратился взглядом к сержанту, но тот молчал.

— Ну, гм... на каком кладбище! Сержант, вы знали эту особу? — он, очевидно, имел в виду усопшую.

— Нет, никогда ее не видел.

Чтобы выйти из положения, Боб вдруг заговорил:

— Леди... гм... Как фамилия?.. Грэй?

— Леди Джен Грэй. Ее могила где-то рядом с Тауэром, — пояснила посетительница.

Боб указал направо и досадливо произнес:

— Все это — Тауэр... Не правда ли, сержант?

— Так точно!

— Лучше спросите надсмотрщика, мадам!

Боба оскорбило то, что его, гвардейского офицера в парадном мундире, приняли за экскурсовода. Его первый раз назначили дежурным офицером Тауэра, и вот что случилось. Ему это совсем не нравилось. Он проклинал жару, задыхаясь в облегавшем тело огненно-красном мундире; пот, градом катившийся из-под меховой шапки, довершал его мучения. Откровенно говоря, Роберт Лонгфелью предпочел бы сейчас быть кем угодно, только не младшим офицером Королевской Бирвичской Гвардии.

А дородная дама не отставала:

— Где хранятся государственные драгоценности?

— В сейфе, мадам!

К счастью, мимо проходил настоящий гид, который направил посетительницу к Уэйкфильд-Тауэр.

— Черт возьми, как отвратительны эти просьбы! Что я должен был ей сказать, сержант?

— Ничего!

Боб обрадовался. Успокоенный, он пошел в вахтгауз, а затем к себе на частную квартиру.

А миссис Оллорби — так звали полную даму — невозмутимо знакомилась с достопримечательностями Тауэра. На самом деле ее мало интересовали государственные драгоценности и могила несчастной леди Джен, казненной всего лишь в нескольких шагах от того места, где она терзала офицера вопросами.

Зато другая посетительница проявила большой интерес к трагической судьбе леди Грэй. Гоуп Джойнер стояла у неприметного квадратного камня, окруженного железной цепью, чтобы по нему не топтались. Она задумчиво смотрела на скромную надпись. Затем ее взгляд упал на маленькую часовню, где были похоронены останки молодой женщины.

— Бедная... бедная Джен! — тихо лепетала она.

Ее провожатый, Ричард Халовель, не посмел улыбнуться.

Молодость оплакивала погибшую молодость. Модный локон склонился над местом, где длинные волосы осужденной были подняты вверх, чтобы палач мог без помех выполнить свою ужасную работу.

Ричард разглядывал удивительно красивый профиль Гоуп. Застывшая в скорби, ее фигурка казалась более грациозной, чем всегда. Нежная кожа лица оттенялась мрачными камнями. Трагедия честолюбивого Соммерсета становилась печальнее в присутствии такой молодой привлекательной девушки.

— Это была настоящая трагедия. Бедняжка, она из окна увидела, как выносили труп ее мужа.

— Гоуп, ваши рассуждения превращают сияющее утро в мрачные сумерки.

Она улыбнулась и прикрыла его руку своей.

— Да, это плохо!.. А я хочу быть хорошей, Дик... Смотрите, тот офицер в парадном мундире... Это не Боб Лонгфелью?

Под верандой вахтгауза показалась стройная фигура дежурного офицера.

— Да, это он. Вчера вернулся из отпуска, а сегодня впервые несет караул. — Дик тихо рассмеялся. — Он бездельник от рождения... Его радует только непыльная работа.

— Я сегодня впервые увидела вас смеющимся, — заметила девушка.

Он с удовольствием ответил бы, что у него с утра не было повода для веселья, но промолчал.

Дик Халовель был высок. Его серые глаза открыто и смело смотрели на Божий свет. Своими гибкими и проворными движениями он немного напоминал атлета. Черный, прекрасно сшитый офицерский мундир с красной повязкой как нельзя лучше соответствовал его фигуре.

— Итак, я вам уже все показал, — сказал он. — Хотя думал; что это займет целый день.

Гоуп тихо засмеялась.

— Не обманывайте! Вы забеспокоились и захотели избавиться от меня с той минуты, когда пришел денщик. Не ждет ли вас кто-нибудь?

Прежде чем он успел ответить, она продолжила:

— У меня дар ясновидения... и, кроме этого, я уже прекрасно ознакомилась с Тауэром. Право, хотелось хоть раз увидеть вас в парадном мундире.

Гоуп вдруг вспомнила, что, к сожалению, знакома с ним не так давно. Они встретились несколько недель назад. На Темзе в кильватере парохода она потеряла весло своей лодки и врезалась на ней в прибрежный кустарник. Дик быстро оказался рядом и освободил ее.

Они пошли к Львиным воротам, остановились под аркой и смотрели на мрачную деревянную ограду, за которой виднелась река.

— Ворота Измены!

Гоуп задрожала, сама не зная почему. Ричард заметил:

— Да... Ворота Измены; теперь они в большом почете... Люди уже забыли, что по этим ступенькам ходили короли и сановники.

Девушка опять рассмеялась.

Вскоре Гоуп и Ричард были в деловом районе Тауэра — Хиле. Мимо проехали грузовики с тяжелыми ящиками. От ближнего Биллингата пахло рыбой.

Лимузин Гоуп бесшумно остановился. Дик открыл дверцу.

— Когда я снова увижу вас?

Она улыбнулась. — Когда захотите. Мой адрес найдете в телефонной книге.

— Что вы собираетесь делать сейчас?

Гоуп вдруг стала серьезной.

— Меня ждет неприятная беседа.

Дик удивленно посмотрел на нее. Ему тоже предстояло нечто подобное, но об этом он промолчал.

Ричард спустился с холма и прошел по мосту, проложенному над старым крепостным валом. Он больше не улыбался, и даже молчаливое, но выразительное приветствие Боба, которого увидел у вахтгауза, не рассеяло его мрачных мыслей.

У дверей квартиры ждал денщик Брил.

— Господин велел узнать, дома ли вы, ведь он договаривался с вами.

Ричард Халовель медленно кивнул.

— Вы пока не нужны. Оставайтесь у дверей и, если кто-то захочет меня видеть, скажите, что я очень занят.

— Так точно, сэр!

— Брил... гм... говорил ли что-нибудь господин?.. Гм... Представился ли он?

Денщик медлил.

— Нет, сэр. Он, по-видимому, не в настроении и сказал, что вы, вероятно, весьма довольны своей квартирой... — Брил опять замолчал.

— Больше ничего?

— Нет... Он только язвительно смеялся. Я думал, что очень неприлично с его стороны приходить сюда и все хулить. Как я понял, это ничтожная личность.

— Да, вы правы!

Дик поднялся по каменной лестнице. Он был мрачен. Тихо открыл дверь в богато обставленную комнату. У окна стоял человек, видимо, наблюдавший за упражнениями солдат во дворе. Когда он повернулся, Дик увидел худощавое недовольное лицо. Человек был в поношенном платье, каблуки его туфель были искривлены. Он и лицом, и выправкой был очень похож на Дика, который молча и внимательно смотрел на гостя.

— Привет!

Человек подошел к Дику и испытующе посмотрел на него. Он вел себя ни дружески, ни оскорбительно.

— Привет, брат!

Дик молчал. Хотя братья были похожи, они все-таки сильно отличались. Если бы Грэгэм Халовель не говорил так грубо, его голос был бы абсолютно как у брата. Но он отбросил любезные манеры и, наверное, забыл, что когда-то руководил знаменитой школой гребного спорта и был красой и гордостью университета.

Теперь он знал лишь одно: судьба сокрушила его и никогда ему не улыбалась. И был настолько озлоблен, что помнил лишь о жизненных горестях и невзгодах.

— Ты сегодня такой же приветливый, как всегда, — саркастически сказал он, — и готов заключить пари, что не пригласишь меня обедать в офицерский клуб! «Вот, мол, мой брат — Грэгэм Халовель, которого только вчера выпустили из Дартмора. Он вам расскажет интересные истории об этой преисподней».

Гость так разволновался, что перешел на крик. Дик заметил, что брат был немного нетрезв и очень зол.

— Даже твой проклятый денщик относится ко мне, как к прокаженному.

— Правильно заметил, — тихо согласился Дик, — прокаженный — самый подходящий эпитет для тебя, Грэгэм! Ты настолько опустился морально, что уважающие себя люди должны избегать твоего общества. И, прошу, больше не кричи при мне, иначе возьму за шиворот и спущу с лестницы. Понял?

Грэгэм оторопел. Хвастливый забияка вдруг превратился в жалкого нищего.

— Не беспокойся обо мне, Дик... я выпил сегодня несколько бокалов... Милый мой, подумай, а как бы ты чувствовал себя, если бы только вчера вышел из тюрьмы! Представь себя хоть раз на моем месте!

— При всем желании не могу представить, как бы себя чувствовал в роли преступника, — холодно ответил Дик. — У меня не такое богатое воображение. Как ты мог оглушить и ограбить молодого гвардейского офицера, который поверил тебе потому, что ты мой сводный брат! Еще более возмутительный и подлый поступок — ты увез в Вену жену знатного человека, обольстил ее и оставил в чужом городе прозябать голодную и опозоренную. И... еще много других поступков, на которые я вообще не способен. Не хочу больше об этом говорить, слышишь? Я никогда не паду так низко, никогда так не вываляюсь в грязи, как ты, чтобы понять твои чувства и переживания... Что тебе нужно от меня?

Грэгэм беспокойно посмотрел на окно.

— Я несчастный человек, — сказал он в отчаянии. — Я хотел бы попасть в Америку...

— Что, местная полиция пришла к выводу, что Америке срочно нужны бродяги и дегенераты вроде тебя?

— Ты жестокий и непоколебимый, как ад, Дик!

Дик рассмеялся, но это был смех сквозь слезы.

— Сколько тебе нужно?

— На билет до Нью-Йорка...

— Ты ведь прекрасно знаешь, что с твоими документами тебя не пустят в Соединенные Штаты.

— Я могу поехать под другим именем...

— Ты ведь не отважишься... я тебя хорошо знаю... Да ты даже и не собираешься ехать туда!

Дик сел за письменный стол, открыл ящик, вынул чековую книжку и начал писать.

— Я выписал тебе чек на пятьдесят фунтов. Он заполнен таким образом, чтобы ты не мог подделать его на пятьсот, как ты поступил с моим последним чеком. Я также сообщу в банк по телефону о сумме.

Дик вырвал чек из книжки и подал мрачному брату.

— Это последние деньги, которые ты получаешь от меня. Если думаешь, что заставишь подобными визитами давать тебе деньги и впредь, то глубоко ошибаешься. Можешь и навлечь неприятности. Полковник и мои коллеги прекрасно знают тебя. Офицер, которого ты тогда обманул, как раз несет караул. Станешь мне мешать, попрошу заключить тебя под стражу. Понял?

Грэгэм положил чек в карман.

— Ты не человек, а камень, — сетовал он. — Ах, если бы отец об этом знал...

— Слава Богу, что он мертв, — угрюмо заметил Дик. — Отец и так достаточно наслышался о тебе. Ведь он умер только из-за тебя. Сердце не выдержало.

Грэгэм тяжело дышал. Лишь страх сдерживал его гнев. Он ненавидел сводного брата и с удовольствием оскорбил бы и унизил его, но не доставало духа.

— Я заметил в окно, что ты разговаривал с красивой девушкой...

— Не твое дело, — грубо оборвал Дик. — Не могу слышать, когда ты говоришь о женщинах.

— Вот как! — заносчивость снова вернулась к Грэгэму. — Не можешь слышать! Я только хотел спросить... знает ли Диана...

Дик бросился к двери и широко открыл ее.

— Немедленно убирайся!

— Диана...

— Диана для меня больше не существует! Заруби это себе на носу. Я также не люблю ее друзей.

— Уж не я ли это?

— Да!

Грэгэм пожал плечами и ушел, высокомерно улыбаясь.

— Это место для меня — тюрьма... Но я найду выход...

Он стал спускаться по лестнице.

— Наилучший выход для тебя — одиночная камера под замком, — зло сказал Дик.

— Что? — спросил Грэгэм уже внизу.

— Ворота измены, — ответил Дик и захлопнул тяжелую дверь.

Глава 2

Только после третьего телефонного звонка в салоне Диана Мэртин неохотно положила на подушку маленькую длинношерстную собачку и небрежно взяла наушник. Это был, конечно, Коллэй. Он, как всегда, упрекал ее за то, что долго не подходила к аппарату.

— Если бы м-ы з-н-а-л-и, что на другом конце провода Ваше Грозное Величество, то поспешили бы после первого звонка, — иронизировала Диана.

Коллэй возмущал подобный тон. Он ненавидел женский сарказм.

— Может быть, встретимся на ужине у Киро? — спросил он.

— Нет, мы нигде не можем с вами ужинать. Сегодня к нам приглашен мистер Грэгэм Халовель.

Новость, видимо, ошеломила Коллэй.

— Халовель? Я тебя не понимаю, Диана, говори ясно... ты куришь?

Она выпустила целое яблоко дыма и стряхнула пепел в хрустальную пепельницу.

— Нет, но сегодня что-то не по себе. Мне не хотелось бы оставаться наедине с человеком, которого только что выпустили из тюрьмы. Он довольно непривлекательно выглядит и, честно говоря, был осужден по заслугам.

— Послушай, Ди, высокий...

— Пожалуйста, не называй меня Ди, — сердито прервала она.

— Диана, высокий господин хотел бы поговорить с тобой... Честное слово... он сам мне сказал...

— Передай ему, что я не хочу с ним говорить, — спокойно сказала она.

Коллэй замолчал, но потом продолжил:

— Не шути, пожалуйста, мне не верится, чтобы ты ужинала с Халовелем.

Она положила наушник на стол и взяла книгу. Когда Коллэй Веррингтон становился невыносим или проявлял невоспитанность, девушка тут же клала наушник на стол, не обращая внимания на жужжание в нем. Коллэй умел быть неприятным. Иногда он бывал любовником Дианы, и временами безумствовал от ревности, в основном, тогда, когда она отворачивалась от него. Сейчас он опять был ее любовником, но она с ним скучала.

В дверь тихо постучали. Вошла горничная Домбрэт, шурша тафтовым платьем. Диана всегда одевала своих горничных в темно-красный тафтовый шелк, заставляла их работать в причудливых передниках и носить высокие прически, как у девушки из кафе. Домбрэт была молода и очень красива. Шелк очень шел ей, но высокий чепчик делал похожей на русскую монахиню.

— Мисс Джойнер просит ее принять, дорогая мисс!

— Мисс Джойнер? — Диана удивленно посмотрела на горничную. — Я не ослышалась? Мисс Джойнер?

— Да, дорогая мисс. Это очень красивая молодая барышня.

Диана немного подумала:

— Пригласите ее сюда!

Домбрэт вышла и через мгновение объявила:

— Мисс Джойнер!

Диана поднялась и протянула руку. Она встретила гостью полная достоинства, ибо знала, что ее фигура совершенна, а светло-красные волосы восхитительны. От сознания своей красоты на ее бледном лице появилась торжествующая улыбка.

— Очень любезно, мисс Джойнер, что вы пришли.

Гоуп Джойнер ответила на рукопожатие. Ее серые ясные глаза смотрели на Диану не враждебно, без тени подозрения. Она была на три года моложе хозяйки, и у нее не было оснований завидовать красоте и возрасту последней.

— Вы не против моего визита?

Итак, это Гоуп Джойнер. Ну что же, мила и хороша. Диана весьма критически оценивала красоту женщин, но здесь она не нашла изъянов: фигура, цвет лица и голос Гоуп ее вполне удовлетворили.

— Наоборот, мне очень приятно... Садитесь, пожалуйста.

Диана взяла с подушки задремавшую собачку. Та громко залаяла, но легкий шлепок быстро успокоил ее. Того (так звали собаку) уже привыкла к чередованию ласк и наказаний.

Гоуп не садилась. Только ее рука оперлась о спинку шезлонга.

— Я получила от вас письмо... очень странное, — сказала она. — Разрешите мне прочитать... может быть, вы забыли...

Диана никогда не забывала содержания писем, но почему-то согласилась. Когда девушка открывала ридикюль, Диана наблюдала за ней особенно внимательно. Гоуп достала из конверта серый листок и сразу начала читать:

«Дорогая мисс Джойнер! Надеюсь, вы не осудите меня за то, что пишу вам по делу, которое затрагивает мои интересы. Я достаточно наслышана о Вас, чтобы быть уверенной в том, что Вы с уважением относитесь к моему доверию. Буду откровенна — я в замешательстве. До вашего появления я была помолвлена с сэром Ричардом Халовелем, Из-за семейных обстоятельств, не представляющих для Вас особого интереса, мы сейчас расстались. В последнее время Вас часто видели с ним и характеризуют весьма недружелюбно. Интересуются, кто Вы, откуда родом и где Ваша семья. Однако это волнует меня меньше, чем положение, в котором я оказалась. Я нежно люблю Дика, и он отвечает мне взаимностью, хотя в настоящее время мы и не разговариваем. Не будете ли Вы столь великодушны, чтобы предоставить мне возможность восстановить дружбу с Ричардом?»

Гоуп закончила и снова положила письмо в ридикюль.

— Не думаю, чтобы моя просьба была неблагоразумной, — холодно прокомментировала Диана.

— Чтобы я сама себя погубила? — спокойно, но резко спросила Гоуп. — Думаю, вы очень зазнались!

Диана прикусила губу.

— Возможно... Письмо кажется довольно глупым, но я тогда была в замешательстве. Но все это не имеет значения. Ведь вы только его друг, потому и заботитесь о нем...

Гоуп отрицательно покачала головой.

Диана нахмурилась.

— Вы думаете... что любите его?

Гоуп была спокойна.

— Это так и есть, — сказала она.

У Дианы перехватило дыхание. И только через несколько минут она смогла продолжить.

— Ах, как интересно!

Гоуп, казалось, не замечала язвительного тона.

— Итак, — продолжала Диана, — я делаю вывод, что... — она выдержала классическую паузу, делая вид, что размышляет, — моя просьба не удержит вас...

— От чего может удержать дружба или любовь к Дикю Халовелю? — по-детски наивно спросила Гоуп.

Диана вздрогнула. Откровенно, она и не ожидала, что письмо принесет ей пользу, потому что писала его в припадке грусти и уныния. Не исключено, что она этим хотела оскорбить или унижить Дика. Но сейчас Гоуп стояла перед ней невинно красивая и уверенная в своей любви. Она пришла сюда без страха, спокойно смотрела Диане в глаза. Это было похоже на вызов, и Диана почувствовала себя жестоко оскорбленной. Давно остывшие чувства ожили вновь, испепелявшая ее четыре года назад страсть вспыхнула с новой силой. Навязчивые мысли о несбывшихся надеждах не давали покоя...

Гоуп заметила, что Диана всхлипнула и закусила губы.

— Я хочу вам кое-что показать.

Голос Дианы трудно было узнать. Она вышла из комнаты и через минуту вернулась. У нее в руке был маленький кожаный футлярчик. Она открыла его, вынула кольцо с тремя огненными алмазами и подала его Гоуп.

— Прочтите, пожалуйста.

Гоуп смутилась и чисто механически сделала то, что просили: «Дик своей Диане. 1922».

Гоуп вернула кольцо.

— Что теперь скажете? — спросила Диана.

— Обручальное?

Диана утвердительно кивнула.

— Разве это что-то меняет? — спросила Гоуп. — Разве это такой же веский довод, как и ваше письмо? Что я, после этого, больше не должна встречаться с Диком? Я знаю, что вы были помолвлены... Он сам рассказал об этом. Ну и что тут такого? Ведь большинство людей были помолвлены не раз, не правда ли? Скажите откровенно, мисс Мэртин, неужели вы рассчитываете на то, что я больше не буду видеться с Диком?

— Вы вправе делать то, что пожелаете, — сказала Диана строго и пожала плечами. — Конечно, все зависит от воспитания. — Она посмотрела на ридикюль Гоуп. — Возможно, было нескромно с моей стороны посылать такое письмо. Будьте добры, верните его.

Взгляды соперниц встретились. Гоуп открыла ридикюль, достала письмо, разорвала его и положила клочки на стол. Затем она легко поклонилась и так быстро вышла из комнаты, что любопытная Домбрэт, приложившая было ухо к замочной скважине, едва не отлетела в комнату, когда Гоуп отворила дверь. Хозяйка бросилась к окну, надеясь увидеть ее у выхода, но не успела.

Диана не могла объяснить, что с ней происходит. Ведь она уже давно перестала думать о Дике. Он был для нее почти ничем. Она пыталась найти мотивы, побудившие послать это письмо. Диана чувствовала, что в ней пробудилось нечто дьявольское, необычное ехидное, уже навлекавшее на нее мелкие неприятности, а однажды даже довольно ощутимую. Она решила больше не думать о письме, раз оно связано с Диком. Да, написала в состоянии злобы и запальчивости, потому что была уверена, Гоуп обязательно покажет письмо Дикю, и он ответит ей, Диане, одним из тех резких и неистовых посланий, на которые был мастер. Она ждала чего угодно, но только не прихода в ее роскошный салон спокойной обворожительной, мисс Джойнер.

Диана пыталась справиться с возбуждением, как вдруг вошла Домбрэт и доложила о посетителе, который следовал за ней по пятам. Диана села в широкое кресло у окна, из которого открывался вид на Керзон-стрит. Когда гость вошел, она, скрестив руки, встретила его критической жестокой улыбкой. Прибывший держал руки в карманах и смотрел довольно мрачно. Когда дверь за горничной закрылась, Диана спросила:

— Почему?

— Что «почему»?

— Почему ты пришел в поношенном костюме?

Грэгэм Халовель глянул на свой грязный, оборванный костюм и, оскалив зубы, сказал:

— Забыл переодеться.

— И в этом костюме ты был у Ричарда? И твоя вопиющая бедность не произвела на него впечатления?

Посетитель опустил в кресло, достал из кармана пачку папирос и молча закурил. Диана не унималась:

— У тебя, должно быть, есть веская причина, чтобы появиться на Керзон-стрит как бродяга. Впрочем, меня это не волнует.

— Он также не очень огорчился, — сказал Грэгэм, выпустив облако дыма к потолку. Когда оно рассеялось, гость продолжил: — Он дал мне жалких пятьдесят фунтов... Я еле удержался, чтобы не швырнуть их обратно.

— Но все-таки оставил.

Он не обратил внимания на иронию. Диана всегда подтрунивала над ним. Раньше ее язвительные замечания бесили, но это уже прошло. Теперь он хорошо владел собой.

— Думаю, — продолжала она, — ты просто внушил себе, что он выплатит любую сумму, только бы ты отстал от него. Но Дик не таков! Я хотела бы, чтобы ты знал Дика так же, как я.

— Ох, как я его уже знаю, этого подлого фарисея, — промычал Грэгэм.

Диана долго не отвечала. Ее белые зубы буквально вонзились в нижнюю губу.

— Нет, Дик не фарисей!

После небольшой паузы она поинтересовалась:

— А обо мне он ничего не спрашивал?

— Почему? Сказал, что больше не желает слышать о тебе. Если тебя это устраивает, то...

— Это значит, что ты сам заговорил обо мне.

— У него опять новое увлечение, — вдруг выпалил Грэгэм. — Обворожительная красавица. Я видел их у Площади Казни.

Казалось, Диану не интересовало, что он говорил. Она уставилась в пустое пространство. Грэгэм осмотрелся. Его поразила роскошь, и он уже готов был спросить Диану, но всегда испытывал перед ней робость, если не страх. Поэтому начал издали.

— Гм... У тебя великолепная квартира, Диана! Я не любопытен, но все-таки... Если мне не изменяет память, перед моим отъездом ты жила в меблированной комнате. Мне сказали, что ты переехала... Но эта роскошь... Просто поразительно!

Грэгэм знал, что ее доходы не превышали нескольких сот фунтов в год, их едва хватило бы на оплату такой большой квартиры. Диана занималась литературным трудом, у нее были хорошие связи на Флит-стрит, но ее лень не позволяла увеличивать доходы. Она старалась улыбкой скрыть недовольство.

— Ты слишком подозрителен, милый мой. Просто я теперь много работаю. Слышал ли ты о князе из Кижластана?

— Нет!

— Этим я обязана его щедрости.

Грэгэм поразился. Диана была довольна произведенным эффектом.

— Я служу у него газетным агентом, — холодно сообщила она после паузы. — Конечно, это звучит не очень престижно, но зато получаю четыре тысячи фунтов в год. И я их зарабатываю. Коллэй Веррингтон познакомил меня с князем два года назад. Он сначала попытался сам залезть в карман нашего сказочно богатого друга, но у него не получилось, и тогда доверил мне взяться за дело. Я быстро вошла к князю в доверие и обеспечила себе доходное место. Князь жалуется на несправедливое отношение к нему всех власть имущих, особенно нашего правительства. Он потерял два салютных выстрела...

— Что ты сказала? Два?... — удивленно переспросил Грэгэм.

— Да. Французский губернатор сначала признал за князем право на девять салютных выстрелов из пушки, но потом между ними возникли недоразумения по поводу одной скандальной истории, и салют сократили до семи выстрелов. Понятно, что нас все это мало волновало бы, но в Индии это, видимо, имеет огромное значение. К тому же князь помешан на драгоценностях. У него самые лучшие коллекции в Индии!

— Он женат? — подозрительно спросил Грэгэм.

— Девять раз, — спокойно ответила Диана. — Но я еще не видела ни одной его жены. Они содержатся в строгой изоляции. Я была князю очень полезна... Написала и инспирировала для него сотни статей и даже сумела заинтересовать одной его идеей нашего посла в Париже.

Грэгэм недоверчиво слушал и почесывал подбородок. Диана рассмеялась.

— Я вижу, Грэгэм, ты хочешь сказать: «Восток останется востоком, а запад — западом». Кажется, ты хочешь меня наставить на путь истинный.

— Действительно все это довольно странно, — сказал, он, зажигая папиросу.

Он чувствовал, что Диана настроена недружелюбно. Грэгэм выругался и бросил папиросу в камин. Он встал и уныло сказал:

— Пойду домой переоденусь. Что касается твоей работы, она мне совсем не нравится.

— Это меня не трогает, — хладнокровно парировала она. — Ты ведь, знаешь, у меня больше нет постоянного ежегодного дохода в четыреста фунтов, который я получала раньше. Я была невменяема, когда одолжила свои деньги одному молодому джентльмену, у которого был план быстрого обогащения... Заодно потеряла и своего жениха.

Диана сказала это игривым тоном, в котором пробивались нотки горечи и иронии. Грэгэм понял, в чей огород бросили камушек.

— Я тебе все отдам. Ко дню своего рождения я получу двадцать тысяч фунтов.

— Это я уже слышала не раз, — язвительно заметила она, — для доказательства у тебя даже есть завещание матери. К сожалению, ты заложил все наследство до того, как тебя отправили в тюрьму. Но, — она вдруг изменила тон, — иди скорее домой, надень приличный костюм и возвращайся к часу. У тебя мало времени, так что поторопись. Я жду Коллэя. Если тебя здесь не будет, он подумает, что я обманула его.

Она проводила Грэгэма до дверей и закрыла их за ним так быстро, что другого бы это оскорбило. Он презрительно улыбнулся. Диана же снова села на диван и углубилась в сенсационный роман. В дверь постучали, и вошел Коллэй.

Это был худощавый мужчина с очень узкой головой. Редкие рыжие полосы едва прикрывали начинающуюся лысину. Продолговатое морщинистое лицо делало его похожим на преждевременно состарившегося человека. Люди, поверхностно знавшие его, думали, что он ведет разгульную жизнь, и удивлялись, откуда у него средства для этого.

В Лондоне, Нью-Йорке, да и, наверное, во всех крупных городах есть люди, интересующиеся жизнью и делами высших слоев общества. Коллэй был одним из них. Ему не нужны были генеалогические справочники и аристократические альманахи. Он наизусть знал все титулы, ордена и родовые связи аристократов и сановников вплоть до двоюродных братьев, если последние играли в обществе хоть малейшую роль. У Коллэя были сведения о материальном положении, доходах и имуществе этих людей. Стоило с ним пройти по Бонд-стрит, как он тут же рассказывал в хронологическом порядке обо всех

событиях, происходивших в этом районе в прошлом и настоящем. Коллэй обладал чутьем детектива и умел делать выводы из анализа малозначимых фактов.

— ...Вот Лили Бенерлей в своем «Роллс-Ройсе»... Ей подарил эту машину сотрудник египетского посольства... Вот старая леди Иэннэри, которая пьет, как рыба... но у нее полмиллиона фунтов; ее племянник Джек Уэдзер все унаследовал после ее смерти... Он женился на Мильдред Перслоу... Вы ведь знаете, это та дама, которая удрала с Лейгом Кастолем в Кения; он сын лорда Мензэма...

Злые языки считали, что Коллэй извлекает выгоду из своих необычных знаний. Лорд Ченслор однажды сказал о Коллэе: «Этот подлый субъект толково пользуется разумом». В Пэддок-клубе произошел скандал в игорном зале. После этого Коллэй, не долго думая, вышел из клуба. Все обошли эту историю молчанием. Коллэй также был замешан в деле о вымогательстве у Торкинтона. Поэтому из «гигиенических соображений» предпочел убраться подальше из города на время процесса. Его имя на суде даже не упомянули. Но когда защитник сказал подзащитному: «Как я предполагаю, при составлении письма с угрозами вы с кем-то советовались», каждый знал, кто был этот «другой». Это был Коллэй Веррингтон.

Он мрачно посмотрел на Диану и неприветливо поздоровался. Ответ Дианы тоже оставлял желать лучшего.

— Садись и сострой веселую рожу!

— Где Грэгэм?

— Пошел домой переодеться.

Коллэй осторожно присел на край стула, подпернув тщательно отутюженные брюки. Он был в белых шелковых чулках и блестящих лайковых туфлях.

— Ты не очень дальновидна, если восстанавливаешь отношения с Грэгэмом... Ты ведь знаешь его репутацию.

— А он знает твою, — ответила она. — Думаю, вы стоите друг друга. Но Грэгэм твердо уверен в том, что ты наихудший из мужчин, и приличная женщина не должна встречаться с тобой.

Коллэй что-то невнятно пробормотал.

— Не волнуйся и не принимай близко к сердцу. Я хочу у тебя навести кое-какие справки. До сих пор я не прибегала к этой твоей услуге. Скажи, кто такая Гоуп Джойнер?

Она задела его слабую струнку, и он сел на своего конька. Плохое настроение сразу как рукой сняло.

— Гоуп Джойнер? — оживленно переспросил он. — Молодая девушка. У нее большая квартира на Бевоншир-Хауз, первоклассные машины — «Роллс-Ройс» и американская. Очень богата. Она дружит с Диком Халовелем.

— Это мне известно, — нетерпеливо перебила Диана. — Я хочу знать, кто она.

— Этого сказать не могу. Она появилась здесь неизвестно откуда. Училась в первоклассных школах и, насколько знаю, в дорогом модном институте в Аскоте, где недостаток происхождения компенсируется богатством... Но почему вдруг она заинтересовала тебя? Вчера я случайно заговорил о ней с Лонгфелью, гвардейским офицером...

— Я не знала, что ты подружился с ним, — мгновенно отреагировала Диана.

— А я и не дружу, — откровенно признался он, — разговаривать ведь можно и с врагом... Итак, она сирота, ее отец чилиец, и завещал ей громадное состояние, которым управляют «Рок и Морт». Одному только Богу известно, почему именно этим господам поручили управлять такими деньгами.

Диана нахмурилась. Она не знала этой фирмы. Коллэй пояснил:

— Это довольно популярные адвокаты, часто выступают в уголовных процессах... Хотя они не ахти какие важные персоны, но, насколько знаю, выступают защитниками в наиболее крупных процессах в Олд Байлей. Если кто-то испытывает затруднение из-за конфликта с уголовным кодексом, он обращается к «Року и Морту».

— Но что тебе известно о самой Гоуп? Зачем мне эти адвокаты. Рассказывай о Гоуп.

— Я не много знаю о ней. Обычно она жила в Монкс-Шез, имении в Беркшире. Очень красивое старое имение, принадлежавшее последнему из Генрихов...

— Господи, да не нужна мне лекция по истории архитектуры, — Диана явно нервничала.

— Итак, она обычно жила там, — продолжал Коллэй, не обращая внимания на язвительные реплики собеседницы. — Ее там воспитывал старик, некий мистер Галлэт. Кажется, она прожила там много лет. Галлэт часто ездил в Америку, тогда его замещал управляющий, который заботился о Гоуп. Оставив Монкс-Шез, она поступила в школу, потом поехала в Париж, чтобы закончить образование. У нее всегда было много денег. «Рок и Морт» сняли для нее большую квартиру. Больше я ничего не знаю. Но почему ты вдруг стала такой любопытной?

Диана пускала причудливые кольца дыма к потолку.

— Я интересуюсь этой молодой красивой девушкой потому, что она должна быть обезврежена всеми доступными средствами.

Коллэй удивленно посмотрел на Диану.

— Милая Диана, это скоро случится. В Лондоне живет некий господин, который с ума сходит по ней.

— Знаю, — резко перебила Диана. — Дик Халовель.

— Дик Халовель! — презрительно улыбнулся Коллэй. — Я даже и не думал о нем.

— Кто же влюблен в нее? — удивилась Диана.

Коллэй любил порисоваться и встал в театральную позу.

— Наш высокопоставленный господин и друг, его высочество князь Кижластанский.

Князь! Диана не поверила Коллэю и подумала, что он издевается над ней.

— Они ведь не знакомы, и он даже не видел ее.

— Нет, дорогая, ошибаешься, он часто видел ее, а «видеть — значит любить», утверждают поэты. Князь каждое утро выезжает, чтобы встретить ее, когда она ездит верхом. Он платит людям, чтобы они узнавали, в какие театры она ходит, и счастлив, когда может на нее посмотреть из своей ложи. Его мысли заняты этой девушкой не меньше, чем дурацкими салютными выстрелами и жемчугами. Сегодня вечером он познакомится с ней.

— Сегодня вечером? Где? Неужели на большом рауте? — возбужденно спросила Диана.

— Да. Раут главным образом и проводится для того, чтобы Рики мог увидеть ее. Он ненавидит англичан и не стал бы выбрасывать деньги на политический раут в честь чиновников, он просто хочет познакомиться с Гоуп и заинтересовать ее деятельностью «Общества развития культурного уровня восточной женщины». Тебе ведь хорошо известна сумасбродная идея: спасите наших темнокожих сестер от ужасов полигамии! Думаю, это удобный случай познакомиться с дамой, которую любишь.

Диана встала и быстро зашагала по комнате. Она нахмурилась.

— Он мне ничего не говорил об этом.

— А зачем? — медленно произнес Коллэй. — Ведь в любовных делах газетные сотрудники обычно не выступают в роли эксперта.

— Ты подлец, — отрезала Диана.

Она пошла в спальню за носовым платком. Открыв дверь, хозяйка остановилась в изумлении. Там стояла дородная женщина средних лет. У нее был большой нос и пронизывающие веселые глазки.

— Кто... вы? — еле выдавила Диана.

— Здравствуйте, милостивая государыня. Меня зовут Оллорби.

Женщина порылась в ридикюле, достала большую визитную карточку и подала Диане, но та была так ошеломлена, что даже не могла прочитать.

— У меня бюро для найма прислуги. Если вам понадобится горничная или кухарка, позвоните, и я пришлю. 3-7-9-4 Сохо...

— Как вы сюда попали? — спросила Диана. — Как посмели без предупреждения войти в квартиру?

Она искала взглядом Домбрэт.

— Простите, — покорно объяснила миссис Оллорби. — Дверь была открыта, и я не могла доложить, никого не было... и я вошла...

— Мне не нужна прислуга! — Диана указала рукой на дверь.

Миссис Оллорби нисколько не обиделась и выбежала с легкостью маленькой девочки. Диана хлопнула дверью и вернулась к Коллэю.

— Чем ты так возмущена? — равнодушно спросил он.

— Дерзкая маклерша!

Диана с остервенением нажала кнопку звонка. Вошла Домбрэт.

— Почему вы оставили дверь открытой?

— Я не оставляла, дорогая мисс, — возразила горничная.

— Лжете! — закричала Диана. — Вы оставили дверь открытой, и та назойливая женщина вошла в комнату. Бог знает, как долго она стояла...

Появился Грэгэм. Это оборвало резкую проповедь, приготовленную для Домбрэт. Через некоторое время Диана уже забыла о дерзкой женщине и с подъемом говорила о князе Кижластанском, о его пристрастии к красивым людям и вещам.

Глава 3

Немало людей считали, что князю Кижластанскому следовало бы немного остепениться. Это был стройный и представительный человек с типичным лицом азиата. У него были не только натянутые отношения с французским правительством, но он вызвал сильное недовольство в английских официальных учреждениях в Индии. Номинально князь значился французским подданным, потому что получил свой титул по имени маленькой провинции в районе французских колоний. Он настолько плохо управлял провинцией,

что губернатор Пондишери привлек его к ответственности. К немалому сожалению индийского правительства, князь приобрел большие поместья в Британской Индии.

Рики (как его называли) прибыл в Лондон в скверном настроении. Но, владея колоссальным состоянием, быстро завоевал симпатию и уважение в тех общественных кругах, где охотно прощают индийским магараджам эксцентричность.

Рики ежедневно бывал на скачках и не пропускал премьеры во всех театрах. Его званые вечера и балы отличались роскошью и пышностью. Во всяком случае, ни один раут или бал этого сезона не мог сравниться с вечерами Рики. Официальные представители министерства иностранных дел не участвовали в этих вечерах, так как Рики не вращался в тех кругах Лондона, которые были тесно связаны с правительством. Несмотря на это, на особо значимые рауты и балы, даваемые Рики, так или иначе попадали представители правительства, хотя это, конечно, немного задевало самолюбие князя.

Дик Халовель получил приглашение на большой раут его высочества. Ему негласно дали понять, что его присутствие там не вызовет отрицательной реакции со стороны правительства.

Дик в детстве четыре года провел в Индии и хорошо изучил Индостан. Его любовь к индостанскому языку помогла со временем углубить знания в этой области. Потом он служил адъютантом генерал-губернатора Бенгали в Индии. Получив известие о том, что отец при смерти, Дик вернулся в Англию, чтобы получить наследственный титул и привести в порядок имение, погрязшее в долгах.

Дик зашел к Бобу Лонгфелю и застал стройного молодца за чтением спортивной газеты.

— Ты ведь не пойдешь туда, мой милый, — сказал Боб, взглянув на приглашение. — Или ты хочешь, чтобы я опять встретился с этим сумасшедшим князем?

— Не знаю, почему ты считаешь его сумасшедшим. Мне кажется, ты поступишь правильно, если будешь сопровождать меня на раут. Без тебя мне там будет очень скучно.

Но Боб настаивал на своем:

— Настоящий сумасшедший! Я еще не устроился в этой укрепленной трущобе, как мне поручили показать князю государственную сокровищницу. А я и понятия не имел, где она находится. К счастью, один из старых смотрителей помнил дорогу. Я поднялся с князем по дьявольски длинным лестницам и показал ему королевские драгоценности. Хорошо еще, что я сам их еще не видел, поэтому было не так скучно.

— Ладно, но почему ты считаешь его сумасшедшим?

— Он помешан на драгоценностях. Его просто нельзя было оторвать от короны. Он буквально прирос к перилам и, что называется, пронизывал алмазы взглядом. Но мне надоело стоять на одном месте. Он о чем-то говорил на индостанском наречии со своей свитой, но я ничего не понял. Там явно недоставало тебя, Дик. Один из его слуг потом рассказал мне, что он приходит в неописуемый восторг, когда видит хорошие бриллианты, а в его сокровищнице хранятся камни, которые не продаются дешевле, чем за десять миллионов фунтов. Князь хотел подарить мне на память две жемчужные серьги, но я объяснил ему: «Ваше высочество, я больше не ношу серьги... они уже давно у нас вышли из моды».

Дик громко расхохотался.

— Как бы там ни было... будь другом, сходи со мной к «Арриду». Меня просили оказать Его Высочеству внимание. Обещаю, мы не задержимся там больше, чем на полчаса.

Боб что-то проворчал, отложил газету и встал.

— А что мне лучше надеть, жемчужное кольцо или рубиновый браслет? — спросил он с сарказмом. — Я еще хотел сегодня вечером пойти в театр с моей ненаглядной девочкой...

— Успеешь, — успокоил Дик. — Я же сказал, мы не будем у «Аррида» более получаса.

Когда Халовель и Лонгфелю пришли в отель, лестницы уже заполнили дамы в изящных платьях и господа в парадных костюмах. Присутствовал весь Лондон — члены парламента, бывшие министры, лидеры партий, не рассчитывающие занять в ближайшем будущем официальную должность и не боявшиеся скомпрометировать себя, дамы, которые бывали повсюду, кроме королевского двора, старые чиновники, служившие когда-то в Индии, журналисты, писатели, артисты.

— Здесь и Диана Мэртин, — сказал Боб.

Дик увидел ее на верхней площадке. Она стояла у баллюстрады и беседовала с Коллэем Веррингтоном. Когда Дик проходил мимо, она улыбнулась и кивнула ему.

— Какая приятная неожиданность, Дик, — сказала она, овладев собой.

Дик было даже трудно представить, что он когда-то был обручен с этой красивой уравновешенной девушкой, разлука с которой стала для него тогда настоящей трагедией. Сейчас он смотрел на нее не смущаясь и даже любовался, потому что кожа цвета слоновой кости и глубокие темные глаза делали ее обольстительной красавицей. Отделанное жемчугом платье и большая смарагдовая цепь дополняли ее привлекательность.

— Вы уже женаты? — спросила она Дика вроде бы в шутку.

— Нет еще, — серьезно ответил он.

— Сорока на хвосте принесла, что вы собираетесь... — она не успела закончить фразу.

— На сей раз птичка не обманула, — подтвердил Дик, которого раздражал ее вызывающий тон.

— Ах, как интересно... — только и успела пробормотать она, потому что их вдруг разъединила толпа.

Боб и Дик направились к широко распахнутым дверям салона, в котором его высочество принимал гостей. В середине стоял раджа в аметистовом платье, которое было пристегнуто у бедер широким серебряным поясом. На шее сверкали жемчуга.

Вдруг Дик оторопел. С князем беседовала стройная девушка в роскошном белом платье. Хотя она стояла спиной, Дик сразу же узнал ее.

— Черт возьми! — возмутился Боб. — Да ведь это же твоя Гоуп.

— Не знаю, что ты имеешь в виду под словами «твоя Гоуп», — Дик был раздражен. — Это мисс Джойнер!

В этот момент девушка повернулась к Дику и, улыбаясь, поздоровалась с ним. Он подошел ближе и натянуто поклонился индусу.

— Очень любезно с вашей стороны, что вы пришли, сэр Ричард, — жеманно сказал князь, оглядывая Дика, вялым, но тяжелым взглядом. По-видимому, его не особо радовал этот гость. — Я надеялся встретить вас в Таузере, но, к сожалению, вас тогда там не было. Вы знакомы с мисс Джойнер?

Дик улыбнулся девушке.

— Старый друг? — недоверчиво поинтересовался князь. — Если так, то предпочтение отдается вам.

Церемониймейстер доложил о новом госте, и Дик, к большому недовольству князя, отвел Гоуп в сторону.

— Ради всех святых, как вы попали сюда? — удивился Дик.

Гоуп улыбнулась.

— Я участвую в великосветских делах, разве вы об этом не знали? Меня интересует «Общество развития культурного уровня восточной женщины». Пока я еще не участвовала в заседаниях, но леди Сильфорд просила меня стать членом комитета.

Дик хорошо знал леди Сильфорд. Тщеславная и не очень богатая, она, по рассказам сведущих людей, относилась к тем, кого поддерживал князь. Дик не сомневался, что леди только по поручению князя пригласила Гоуп на раут. Дик немного смутился, вспомнив некоторые моменты из личной жизни князя.

— Я не уделяю движению в пользу темнокожих женщин никакого внимания, — сказал Дик. — Есть много обществ с безупречной репутацией, которые делают действительно добрые дела, но «Общество развития восточной женщины» — полный блеф. Полиция даже не разрешила лотереи в его пользу.

— Откровенно говоря, меня оно тоже не очень интересует, — сказала Гоуп, когда они подошли к дверям. У большого выхода они столкнулись с Дианой, которая необычайно любезно поздоровалась с Гоуп.

— Ах, как приятно, наша милая, маленькая Гоуп. Эта она... счастливейшая из девушек, Дик?

Но Гоуп взяла инициативу на себя, избавив Дика от ответа.

— Я вас заметила, когда поднималась по лестнице, но не успела с вами поговорить, мисс Мэртин. Я хочу вам кое-что передать.

Она открыла украшенный бриллиантами ридикюль и достала плоский кожаный футлярчик.

— Это мне вручили, когда я собиралась покинуть Девоншир-Хауз. В футляре визитная карточка князя, но, я думаю, произошла ошибка. Не будете ли столь любезны все расставить по своим местам?

Диана медленно взяла футлярчик и спросила:

— Я не понимаю, что это значит?

— Это жемчужная цепь, — спокойно объяснила Гоуп. — Будьте добры, скажите его высочеству, что в Англии не принято молодым дамам получать подарки даже от князей золотого Востока.

Диана покраснела.

— Но почему именно я должна выполнить роль посыльного?

— Потому что... — Гоуп рассмеялась. — На карточке князя мой адрес написан... вашей рукой.

— Обождите минутку!

Голос Дианы стал твердым. Когда Гоуп хотела отойти, Диана удержала ее и продолжила:

— Я не вижу причин, чтобы вы отказались от маленького подарка князя, который хочет оказать вам свое милостивое внимание. И наконец, — она презрительно пожала плечами, — простите за откровенность... вы не принадлежите к аристократическому роду. Вашего имени нет в списках дворян, вы не значитесь в Дебретте или в какой-нибудь другой родословной.

— Меня нет и в списках Карлоу, — холодно добавила Гоуп.

Диана позеленела от злости. Она пыталась улыбнуться, но безуспешно. Она лишь провела рукой по воздуху, в ее глазах вспыхнула ненависть.

— Что представляет собой Карлоу? — любопытно спросил Дик, когда они выбрались из толпы.

— Неужели вы не знаете? — наивно спросила Гоуп. — Карлоу — большое коммерческое агентство, периодически посылающее своим клиентам списки лиц, которые занимаются двусмысленными делами и связаны с преступниками. Сведения должны сохраняться в строгой тайне, клиентами же могут быть только лица, заслуживающие доверия. Я тоже клиентка этого агентства...

Дик был ошеломлен.

— Вы необыкновенная девушка!

— Разве? — Гоуп рассмеялась, хотя в данную минуту ей было не до смеха. — Сейчас я нахожусь в интересной, необычной ситуации.

Дик хотел проводить ее, но девушка отказалась и поехала домой одна. Ее чувства и мысли обострились. Диана Мэртин затронула вопрос, причинявший ей так много беспокойства, забот и печали. Она прикоснулась к душевной ране, роковой проблеме, над которой Гоуп билась уже пять лет.

Диана сказала правду. Гоуп ничего не ведала о своем происхождении. Она только знала, что ее родители умерли и оставили в наследство большие поместья в Южной Америке. Гоуп получала громадный доход, который каждые три месяца адвокаты вносили на ее банковский текущий счет. Гоуп также знала, что адвокаты имеют дело с подозрительными лицами. И все.

Гоуп никогда не видела своей метрики. Она даже не знала, в какой стране родилась. Таинственный мистер Галлэт мог бы ей многое поведать, но она его никогда не видела. Насколько помнила, ей рассказывали, что это был старый слепой человек, часто разъезжавший по Америке. Она много лет провела в его доме, радовалась жизни в богатом имении, проводила там каникулы и занималась верховой ездой. Слуги называли ее «дорогая мисс», относились к ней с уважением и заботились о девушке.

Непоседливый мистер Галлэт, кочевавший по разным концам земли, был для нее символом ее неустроенной жизни. Иногда она ненавидела своего покровителя. Он никогда не отвечал на ее письма, никогда не передавал привета или дружеского послания. Правда, ко дню рождения и к праздникам она получала подарки, а ежегодно, десятого июня, Галлэт присылал ей цветы, но никогда не написал даже строчки. Это был человек, исполнявший свой долг не по велению сердца, а чисто механически, и ей не раз было больно оттого, что он избегает ее. Гоуп знала, что он покидал Монкс-Шез за день до ее приезда на каникулы и возвращался сразу же после ее отъезда в институт не случайно. На настойчивые письма ей отвечал лишь старый банкир, живший на Траднидл-стрит и интересовавшийся ею не больше, чем его клиент мистер Галлэт.

Пока горничная помогала ей раздеваться, Гоуп думала о Монкс-Шез, особенно о маленьком книжном шкафу в библиотеке. Словоохотливая служанка Нанни когда-то рассказала ей, что в шкафу хранится нечто такое, что поможет раскрыть тайну, интересовавшую ее. Возможно, старая женщина это выдумала, чтобы хоть как-то успокоить свою подопечную.

Когда она немного подросла, решила подобрать ключ к шкафу. После многократных попыток, наконец, нашла маленький ключик и, когда хотела попробовать открыть шкаф, вдруг послышались шаги одного из слуг, направлявшегося в библиотеку. Девочка быстро выбежала из кабинета и долго не могла успокоиться. Ключик же потом бережно хранила в кожаном портфельчике, но удобного случая для того, чтобы осмотреть шкаф, больше не представилось. Между тем шли годы, и она по-прежнему ничего не знала.

Гоуп не имела представления о своем происхождении. Если бы Диана сказала об этом несколько месяцев назад, Гоуп пропустила бы ее слова мимо ушей. Но теперь ей нужно было получить ответ на этот вопрос. Гоуп была достаточно интеллигентна и образованна, чтобы догадываться об обстоятельствах ее появления на свет. Она знала, что некоторые богачи воспитывают чужих детей как приемшей. До знакомства с Диком такое предположение мало бы трогало ее. Но с тех пор, как Дик вошел в ее жизнь, тайна происхождения мучила девушку. Она рассказала бы ему все, что узнала. Гоуп была уверена в том, что Дик симпатизирует ей, и он бы все правильно понял. Даже самое худшее не отвернуло бы его любовь. Этого она не боялась.

На следующее утро Гоуп проснулась с мыслью о Монкс-Шез и маленьком шкафу. После обеда она окончательно решилась. Ведь у нее еще был и ключ от черного входа в имение...

Глава 4

Дворник Штимминг закрыл на засов и цепь большие ворота Монкс-Шез. Потом пошел к хозяину и сказал, что на улице сильный ливень. Но тот не обратил внимания на его слова. Дождь шел с полудня. А к вечеру погода ухудшилась. Под Лоуэр-Экс образовалась настоящая река. Только середину дороги еще не залила вода. Канавы с обеих сторон превратились в ручьи, стекавшие с холма Блок-Уод к дому привратника. Здесь уже было маленькое озеро.

В ночной темноте слышался только шум дождя и воды, падающей с холма.

Почтовая карета из Уорплеторпа медленно тащилась по дороге, залитой водой. Грохот и скрип обитых железом колес сопровождался равномерным цоканьем копыт старой лошади.

Когда в окошко кареты постучали, кучер натянул мокрые вожжи, и экипаж остановился. Из кареты вышла стройная девушка. Черный дождевик закрывал ее с ног до головы. Шапочка была опущена ниже глаз. При желтом свете фонаря пассажирку трудно было узнать.

— Благодарю вас, — обратилась девушка к кучеру. — Я вернусь через час, а вы пока отдохните где-нибудь.

Он поклонился, с полей его шляпы полилась струя воды.

— Не хотели ли вы, мисс, попасть в Монкс-Шез? Я ведь могу подвезти вас к самым воротам. Если пойдете пешком, промокнете насквозь.

— Нет, благодарю вас, — быстро возразила она, — обождите, пожалуйста... Я не хочу никого будить...

Девушка быстро ушла.

Дом привратника был пуст и запущен. Правда, железные двери были едва прикрыты. Девушка вспомнила, что в доме раньше жил старый садовник, но он умер еще тогда, когда она ходила в школу. Девушка шла по щиколотки в воде. Она предусмотрительно обула резиновые сапоги. С трудом добралась до середины дорожки, ведущей к дому. Было довольно неприятно двигаться под проливным дождем. Высокие тополя, росшие вдоль дорожки, совсем не защищали от потоков воды.

Ночь была настолько темной, что девушка смогла различить неясный контур большого здания на фоне холмов только тогда, когда подошла совсем близко. Дом казался вымершим, света нигде не было. Насколько она знала, мистер Галлэт рано ложился спать. Сердце девушки усиленно забилося, когда она пересекла дерновую площадку и направилась к тыльной стороне восточного флигеля.

«Я не в своем уме», — решила Гоуп. Мало того, что она придумала безумный план, но еще и взялась за его выполнение. Девушка остановилась у небольшого черного входа. Рука с ключом дрожала. Но она хотела проникнуть в тайну, и это желание победило.

Только после нескольких попыток дверь поддалось. Ночная гостья достала из кармана электрический фонарь и осветила узкий проход, выложенный плитам. Заперла дверь и бесшумно пошла вперед. Через три ступеньки увидела вторую дверь, которую легко открыла. Она оказалась в большом широком коридоре, устланном толстыми коврами. Статуи, старые кресла и стулья были хорошо знакомы. Похоже, здесь почти ничего не изменилось с того времени, когда она покинула Монкс-Шез. Те же старинные портреты в тяжелых золотых рамах, гобелены, закрывавшие часть стены, и длинные темно-красные шторы, украшавшие окна в конце галереи.

Глухо звучал здесь шум дождя. Из зала доносилось тяжелое тиканье часов. Где-то от дуновения ветра постукивало раскрытое окно. В конце галереи девушка глубоко вздохнула и повернула направо в зал. Потом остановилась и прислушалась. Она пыталась всмотреться в темноту. Лишь призрачный свет пробивался через большие окна, защищенные решетками. Гоуп знала, что из погреба наверх ведут крутые винтовые лестницы, но не могла их разглядеть. Наконец, она собралась с силами и быстро пробежала через зал к дверям библиотеки... Медленно нажала ручку.

Камин горел. Большое кресло закрывало его, но она видела красное отражение огня на стенах, и мебели. Гоуп узнала кресло и невольно кивнула. Но, видимо, в комнате никого не было. Девушка вспомнила, что в этом кресле она, школьница, сидела свернувшись клубочком и зачитывалась романами. Она осматривала комнату, и ее взгляд остановился на маленьком книжном шкафу. Девушка закусил губу и пошла к нему. Дрожащими руками вынула маленький ключик из ридикюля и открыла дверцу...

Пусто!

Гоуп повернула голову и остолбенела. Она даже чуть не упала в обморок. Над креслом вилась тонкая струйка дыма.

— Закройте, пожалуйста, двери! Сквозит!

Голос был нежным и приглушенным.

Девушка посмотрела в сторону камина и выхватила из кармана браунинг.

— Ни с места! — прошептала она решительно. — У меня оружие!

С кресла поднялся стройный седой господин. Красивое лицо было спокойно. Его глаза скрывали большие темные очки. Во рту он держал большую трубку. Мужчина был в парадном костюме, хотя сюртук его был из черного бархата.

— Подойдите сюда и садитесь... Погрейтесь у огня, — сказал он. — Вы, наверное, промокли...

Она медлила, но потом решила подойти, все еще держа в дрожащей руке револьвер.

— Не двигайтесь! — предупредила девушка не своим голосом.

Господин в ответ рассмеялся.

— Я думаю, у вас револьвер или что-нибудь в этом роде. Это ведь нехорошо! Окажите любезность, закройте дверь. Я плохо переносу холод.

Девушка направилась к двери... Может быть, убежать? В одну секунду она могла бы быть во дворе. Но тогда уронила бы свое достоинство.

Гоуп закрыла дверь и вернулась к камину. Господин снова сел лицом к огню и закурил трубку.

— Вы вошли с черного хода? Я собирался поменять замок... Не хотите ли сесть?

Она снова медлила. Губы пересохли, и она облизала их.

— Я знаю, что вы — женщина, — продолжал господин мягким голосом. — Я слышал шуршание пальто, хотя это, видимо, дождевик. Что вам угодно?

У нее запершило в горле. Она с трудом прошептала.

— Я хотела кое-что забрать... Думала, что это здесь, в комнате... Поверьте, для вас эта вещь ничего ценного не представляет... Только для меня... Посмотрите...

Он медленно рассмеялся.

— Не могу. Я же слепой.

Он сказал это так спокойно и деловито, что она долго не могла этого осознать.

— Слепой? — переспросила наконец. — Ах, я... мне очень жаль! — Гоуп облегченно вздохнула. Он не видел ее и не узнает никогда, если они когда-нибудь еще встретятся.

— Я... я не грабительница. Но... я... мои родственники летом выехали из этого дома... и... я... здесь кое-что забыла... Я только одна знаю об этом.

Она заговорила более уверенно, так как знала, что летом в Монкс-Шез проживала богатая американская семья.

— Ах, значит вы из семьи Осборн, не правда ли? Прекрасно, мисс, возьмите, то, что искали. Мне очень жаль, что я испугал вас.

Она еще раз осмотрела открытый шкаф.

— Уже кто-то взял... А теперь я пойду...

Он поднялся и пошел по комнате, расставив руки и касаясь пальцами мебели, мимо которой проходил. Повернул направо, прошел зал и оказался у маленького бокового выхода. Высунул голову, капли дождя попали ему в лицо.

— Спокойной ночи, — сказал он. — Надеюсь, не промокнете насквозь.

Хозяин подождал, пока не затихли ее шаги, повернулся, закрыл на ключ и засов боковую дверь и вернулся в библиотеку. Затем включил все лампы и подошел к камину. Пять минут неподвижно сидел в кресле. Лоб наморщился, лицо нахмурилось. Затем он опять раскурил трубку, снял большие очки, взял газету со стула и продолжил чтение, прерванное появлением девушки. Читал без очков, и самый мелкий шрифт.

— Бедная Гоуп Джойнер! — бормотал он, выпуская кольца дыма. — Бедная Гоуп Джойнер!

Глава 5

— Я хотела бы рассказать тебе правду, — отчаянно предложила Гоуп.

Дик Халовель только улыбнулся:

— Какой милый голосок. Я готов тебя выслушать. Что с тобой, дорогая?

Он взял ее за руки. Она доверчиво глядела на него.

— Если ты все узнаешь, больше не захочешь видеть меня. Помнишь, что Диана Мэртин сказала обо мне?

— Диана так много болтает обо всех знакомых, что я не в состоянии все запомнить, — смеясь, ответил Дик.

— Конечно, помнишь! Она сказала, что я — «Никто».

— Какой абсурд! Ты ведь говоришь со мной, значит, ты есть, ты прелестная, очаровательная девушка, которая пригласила меня в свой чудесный салон к чаю. Ты существуешь точно так же, как существуют и эти люди, сидящие напротив в отеле «Ритц», и которых я вижу в окно.

— Не говори, пожалуйста, глупостей! Она открыто сказала, что я не знаю своего происхождения, у меня нет родителей... возможно, что я... об этом даже подумать страшно. Ты ведь понимаешь, что значит геральдика, и знаешь, что представляют из себя темные места родословной.

— Итак, это единственный повод для беспокойства? — спросил Дик. — Разве на это обращают внимание? Разве вся суть человека в «голубой крови»? А темные места встречаются во всех, даже безупречных родословных. Я не могу утверждать, что их нет в моей...

Гоуп затаила дыхание. Она не ожидала, что он будет говорить об этом так непринужденно. Радостная улыбка заиграла было у нее на губах, но сразу же исчезла.

— Я не знаю, как обстоит дело у меня. Ужасно, Дик, что ты можешь так спокойно думать о себе.

— Я ни о чем не думаю. Просто знаю, что ты — милейшая девушка на всем земном шаре. Я оставлю военную службу, женюсь на тебе, и мы будем счастливы.

— Будь благоразумен, Дик. Разве ты не видишь, в каком ужасном положении я оказалась? Не знаю, кто мои родители, не ведаю, откуда получаю такие большие доходы. Я, откровенно говоря, никто! Раньше мне было все равно, но теперь... когда ты вошел в мою жизнь...

Гоуп задумалась и нахмурилась.

— Я тебе кое-что расскажу, — наконец спокойно продолжила она и поведала о поездке в Монкс-Шез.

Дик выслушал ее, не перебивая.

— Ты настоящий ребенок. Зачем так рисковать, — сказал Дик, когда она закончила. — Кто такой мистер Галлэт?

— Я знаю о нем только то, что он очень богат и безучастен ко мне. Он владеет большим имением в Кенте, где я провела большую часть детства.

— И ты его никогда не видела?

— Нет, он всегда отсутствовал, когда я бывала в Монкс-Шез. Я интересовалась у его адвокатов, не является ли он моим родственником, хотя бы дальним, но они лишь промолчали в ответ.

— Итак, он не твой родственник?

— Нет. Он знал мою мать... Я думаю, что произошло романтическое событие, но ведь это только предположение. Мне ни разу не удалось поговорить об этом с мистером Галлэтом. Он был одним из свидетелей, когда отец составлял завещание... По крайней мере, я так считаю.

— Ты когда-нибудь видела это завещание?

— Нет, Дик. Я только знаю, что имею очень большой доход. И... когда встречаюсь со злыми людьми или подозрительными типами, я получаю от адвокатов суровое предупреждение, в котором мне, обычно, дается понять, что я завела то или иное нежелательное знакомство. Они присылают мне также списки Карлоу.

— А, может быть, у тебя есть другие родственники?

— Никого, — смущенно ответила она. Но, спохватившись, вдруг рассмеялась. — Видишь, я действительно «Никто».

— Уверен, что ты получишь предостережение от своих адвокатов и относительно меня, — заметил Дик. — Хотя лично я могу и не являться поводом для этого, но у меня есть нежелательные родственники.

Мысль об этом не оставляла Дика и тогда, когда он попрощался с Гоуп и пошел к Пикадилли. Она еще более окрепла, когда у входа в цирк он встретится с братом. Грэгэм больше не походил на оборванного бродягу. Он был в безукоризненном модном костюме, а цилиндр и лайковые ботинки придавали ему вид знатного господина. В первое мгновение Дик даже опешил. Потом улыбнулся и уже хотел пройти мимо, но брат задержал его.

— Если ты не боишься, что тебя увидят с бывшим арестантом, то хотел бы поговорить с тобой несколько минут, Дик, — холодно попросил Грэгэм.

— Но только быстро, сейчас у меня нет времени. Если речь пойдет о деньгах...

Грэгэм презрительно улыбнулся.

— Ты все думаешь о деньгах, — сказал он. — На этот раз ты ошибся. Я хочу поговорить о Диане.

Дик стал серьезным.

— Это также бесцельно...

— Она хотела бы жить с тобой в мире. Вот и все, — сказал Грэгэм. — Бессмысленно постоянно вздорить и ссориться. Разве ты забыл, что она отдавала тебе предпочтение перед другими?

— Нет, но... гм... Когда вспоминаю, об этом, я благодарен. Но это единственное, за что я могу сказать ей спасибо!

Дик посмотрел на часы!

— Очень жаль, но у меня нет времени. Через пять минут должен встретиться с другом. Передай, пожалуйста, Диане, что я не злопамятен, но встречаться с ней не желаю. И совсем не потому, что несчастен без ее любви, а потому, что она занимается делами, которые мне противны... Предательство, двуличие... По сравнению с этим неверность кажется просто детской шалостью...

Он кивнул и ушел. Грэгэм смотрел ему вслед до тех пор, пока он пересек улицу и смешался с толпой на Лоуэр-Регент-стрит.

Когда Грэгэм вошел в салон Дианы, хозяйка многозначительно посмотрела на него. Тонким женским чутьем она поняла, что братья встречались и разговаривали. Грэгэм опустил в кресло, поискал в карманах папиросы и гневно сказал:

— Он, как всегда, был столь же непорочен, словно ангел. Он простил тебя, но не хочет больше иметь с тобой ничего общего.

— А ты ожидал большего?

— Я предполагал, что будет лучше, если мы помиримся, но человек этот тверд, как камень.

Она беспокойно водила ногой взад и вперед и не сводила глаз с собеседника.

— Как камень? Разве ты опять просил у него денег?

Грэгэм грубо рассмеялся.

— Дик предупредил меня. Он заранее отказал наотрез. Но и без Дика я заработаю много денег, если только у Трайна найдется для меня выгодное дело.

— Какое? — спросила она.

— Черт возьми, откуда я знаю? — Он был сильно раздражен. — Трайн ведь и тебе не говорит по телефону, что ему нужно. Я лично еще никогда с ним не сталкивался. Ты уже имела с ним дело, не правда ли?

Она не ответила, но заметила:

— Это очень щедрый, но довольно опасный человек.

— Почему опасный? — быстро спросил он.

— Я уверена в этом, — задумчиво сказала она. — Работу, которую я должна была однажды выполнить для него, нельзя назвать трудной, но, как я поняла, она была нужна для его целей. Два года назад Трайн просил привести лорда Фирлингэма в один из игорных клубов, которые он содержал на Портланд-Плас. Мне нужно было только упомянуть, что у меня там есть знакомые. Сначала мы завели разговор об опере. Фирлингэм потерял в ту ночь в баккара сорок тысяч фунтов. Я об этом узнала только через несколько дней, так как до моего отъезда из клуба лорд брал один выигрыш за другим. Первый раз я подумала о том, что Трайн и его подручные отняли у него деньги тогда, когда получила две тысячи фунтов.

— Две тысячи? — Грэгэм тихо свистнул. — Парень действительно хорошо платит!

— Сначала мне вся эта история совершенно не понравилась, — сказала Диана. — Но, поверь, Фирлингэм — ужасный человек, один из самых неприятных субъектов в городе.

Она посмотрела на маленькие часы, стоявшие на камине.

— Нам пора.

Грэгэм удивленно спросил:

— Ты тоже хочешь увидеть Тигра?

Она утвердительно кивнула.

— Я получила распоряжение проводить тебя... — сухо сказала Диана.

Недалеко от Сохо-сквер расположены красивые здания «Клуба Мусетрап». Этот клуб являлся общественным союзом, среди членов которого были люди с громкими именами. Роскошная обстановка, месторасположение в мало привлекательной части города создали ему особую славу. Поговаривали, что здесь играют на необыкновенно крупные ставки. Но основную популярность клуб приобрел, главным образом, благодаря хорошей кухне и баснословно низким ценам.

Хотя все знали, что здесь в почете азартные игры, полиция сюда никогда не заглядывала. Несколько раз высшие чины Скотленд-Ярда посещали клуб инкогнито, но ничего подозрительного не заметили. Может быть, только то, что при игре в бридж ставили пятьдесят фунтов на сто пунктов. Но так как вопрос о величине ставки в бридж является чисто внутренним делом клубного комитета, полиция не вмешивалась. Конечно, игра в баккара происходила без официального сообщения руководителя клуба. Ни один посторонний не допускался к этой игре, — только тогда, когда у него были надежные рекомендации. Ни разу даже не ставился вопрос о том, что играли небезупречно, и Трайн почему-то часто выигрывал.

Когда Диана и Грэгэм вошли в шикарный тихий вестибюль, игра уже закончилась.

— Мистер Трайн в секретариате, — пробормотал седовласый портье.

Посетители последовали за ним по устланному коврами коридору в заднюю часть здания. Портье остановился у двери из розового дерева и постучал.

— Войдите!

Портье открыл дверь и впустил посетителей.

В секретариате был только один пожилой господин лет пятидесяти-шестидесяти. Он спокойно смотрел на гостей умными синими глазами. Его седые волосы были коротко подстрижены, а на гладко выбритом крупном лице не было морщин. Даже когда он сидел, был заметен его высокий рост. Прямая, величественная, широкоплечая фигура производила неизгладимое впечатление. Во рту торчала сигара. Хотя зубы из-за ослепительной белизны можно было принять за искусственные, но их неравномерность свидетельствовала о том, что они натуральные. Это был Тигр Трайн, напоминавший характером скорее льва, чем кошку. Он казался более человечным, чем ожидала Диана. Хозяин кабинета медленно поднялся, вынул изо рта сигару и положил ее в пепельницу.

— Добро пожаловать, господа, — сказал он, весело улыбаясь. — Вы, сударыня, Диана Мэртин?

Он говорил глубоким звучным голосом, взвешивая каждое слово. Диана была приятно поражена. Она теперь догадывалась, почему этот представительный обаятельный человек ни разу не попал на скамью

подсудимых, несмотря на свои многочисленные преступные дела. Диана вдруг вспомнила, что рассказывал о нем Коллэй. Для Тигра готовились бесчисленные ловушки, для его поимки разрабатывались оригинальные планы, лучшие детективы двух материков пытались его застукать на месте преступления, но все безрезультатно.

— Вы, мистер Трайн, должны меня помнить, — сказала Диана.

Он засмеялся и обнажил зубы.

— Принцип моей политики в том, что я никогда не забываю и даже на лучших друзей смотрю как на чужих, которых должны мне каждый раз вновь представлять. Это очень благоразумно... Вы, должно быть, тоже так считаете?

Он говорил с Дианой, но его взгляд изучал Грэгэма.

— А вы, сударь, мистер Халовель? Не хотите ли кофе?

Он нажал кнопку и распорядился, хотя слуги было не видно и телефона в комнате не было. Из стены вдруг прозвучал ответ: «Слушаю, сэр».

— Я поставил там маленький громкоговоритель. Он вделан в деревянную обивку. Посторонний его не увидит.

— Разве вы не боитесь, что вас подслушают? — поинтересовалась Диана.

Трайн рассмеялся.

— Меня могут подслушать только тогда, когда я этого захочу. Скажите, мистер Халовель, вы были в провинции?

Грэгэм достаточно знал жаргон своих бывших товарищей и понял, что Трайн намекнул на его пребывание в тюрьме. Ответ был сухим и коротким:

— Да!

— Печально... Очень печально, — похоже, Тигр посочувствовал. — Вам не пришлось бы туда попадать, если бы у вас был опекун, который бы заботился о вас. Глупы те генералы, которые сами лезут драться штыками, но и умные, храбрые солдаты тоже мало годятся в генералы.

Тигр подал Грэгэму ящик сигар.

— Никто успешно не выполнит преступный план, если не разделяет точку зрения полиции. Преступник должен мыслить, как детектив, и уметь все предвидеть. Обыкновенный взломщик, задумывающий «предприятие», стремится только к добыче и не думает об опасности. В результате работает настолько топорно, что оставляет улики. Да такие, что даже детектив-любитель может его раскрыть. Современные сражения выигрываются только ложными атаками на ранее обозначенные позиции.

Грэгэм и Диана внимательно слушали. Они поняли, что говорил не болтун, желающий поораторствовать или щегольнуть мудростью и знаниями, а человек, каждое слово которого выверено и взвешено.

— Если бы я собирался совершить крупную «операцию» или задумал бы... Ах, вот и кофе!

Скрытый лифт работал бесшумно, и посетители ничего не слышали. Тигр вдруг поднялся, подошел к стене и отодвинул панель. В проеме на серебряном подносе стояли дымящиеся чашки с кофе. Он их поставил на стол, нажал кнопки и закрыл панель. На мгновение Тигр наклонил голову, казалось, он прислушивался. По-видимому, хозяин был удовлетворен. Налив себе в чашку большую порцию сливок, он залпом выпил ее.

— Итак, если бы я задумал «удар», который принес бы его участникам приблизительно, — он сделал паузу, — пятьдесят тысяч фунтов, то изучил бы дело до мельчайших подробностей. Я заставил бы каждого лазить по веревочным лестницам, прыгать с большой высоты и после приземления оставаться на ногах. Я заставил бы их тренироваться по специальной программе на случай, если даже придется столкнуться с войсковой частью. Более того, они обязаны были бы знать все описания и приметы тех мест, которые должны разыскать. Главный участник должен быть осведомлен о приливах и отливах...

— А что за всем этим? — нетерпеливо прервал Грэгэм.

Холодный, спокойный взгляд Трайна охладил его пыл.

— Я не подразумевал ничего конкретного, и только изложил свою точку зрения.

Грэгэм опять хотел что-то спросить, но его сдержал взгляд Дианы. Трайн продолжал:

— Сегодня утром я сидел здесь и мечтал. Не знаю почему. Может, быть, потому, что читал отчет об уголовном процессе, слушавшемся вчера в Олд Байлей. Последнее время все больше удивляет низкий образовательный и профессиональный уровень преступников. Речь шла о человеке, попавшем в тюрьму из-за неудачного взлома. А «операция» не принесла ему даже ста фунтов. «Вот странный человек», — думал я. С меньшим риском и теми же затратами он мог бы добыть пятьдесят тысяч фунтов, и его бы не поймали. Вы только вдумайтесь: п-я-т-ь-д-е-с-я-т т-ы-с-я-ч фунтов!

Трайн опять выждал паузу, казалось, он ждал каких-либо замечаний. Но взгляд Дианы снова заставил Грэгэма молчать.

— Обычный взлом не принесет славы, — сказал Трайн и посмотрел в окно, за которым виднелся Сохо-сквер. — Слава сопутствует только фантазерам. Даже, если бы я был взломщиком, то был бы счастлив увидеть в газетах отчет о моих похождениях, напечатанный большими буквами на первой полосе. Я бы совершил такой экстраординарный поступок, чтобы весь мир заговорил обо мне.

Трайн опять замолчал, пронизывая взглядом гостей. Потом продолжил:

— За последние триста лет был лишь единственный случай, когда неуч пытался совершить одну из самых масштабных краж всех времен. Этот дурак был хвостун и пьяница, но, несмотря на это, он почти добился успеха. Причем без аэропланов, без моторной яхты и прочих современных технических новинок. Я имею в виду полковника Блоода...

Хотя Диана и решила все время сохранять спокойствие и самообладание, но при упоминании этого имени не удержалась и вскрикнула. На Грэгэма же, видимо, оно не произвело никакого впечатления.

— Блоод потерпел жестокое поражение и справедливо заслужил наказание. Не знаю, повесили его или нет. Приговаривают ли к такой казни за кражу символов монархии...

Грэгэм вскочил. На его лице одновременно были и ужас, и изумление.

— Их стоимость приблизительно... один миллион фунтов стерлингов, — рассказывал Тигр. — Но с моральной точки зрения они бесценны. Вы скажете — сумасшедшая идея? Я тоже так думал, когда впервые услышал об этом. Допустим, он хотел возложить на свою гадкую голову корону Англии. И какое же наслаждение мог бы испытывать, не красуясь перед толпой горемычных, но восхищенных подданных, а разгуливая один в темной жаркой комнате в Кижластане, куда не вхожи даже женщины его гарема?..

Даже Диана не могла больше сдержаться:

— Вы подразумеваете князя Киж...

Движение руки заставило ее замолчать.

— Я не знаю никаких князей. Я вообще не интересуюсь Индией. Я только пытаюсь выразить словами тщеславие мечты. Идеи сумасшедшего... Но от сумасшествия до гениальности один шаг. В большом воображении могут рождаться такие планы, которые и не снились обычному человеку. Некоторые люди грезят только женщинами, другие мечтают о власти. Я знал человека, который дни и ночи просиживал за игрой в карты. Я видел коллекционера фарфора, который горько плакал над разбитой чашкой. Есть помешанные на бриллиантах и камнях... — Трайн задумался. — Человеческие страсти невозможно обобщить, их слишком много. — Трайн вздохнул. — Пятьдесят тысяч фунтов — это же целое состояние... И всего за несколько недель тренировок. Главное — точно выполнить инструкции... Практически никакого риска... Два или три разбитых черепа, конечно, не ваших, — словно извиняясь, добавил Трайн. — Такое чудо вполне возможно, и вы можете участвовать в таком предприятии.

Грэгэм Халовель побледнел и дрожал. Он даже поперхнулся, прежде чем спросить:

— А поточнее можно объяснить?

Тигр Трайн встал, подошел к сейфу, открыл его ключом, висевшим на цепочке у кармана, и достал манускрипт толщиной со школьную тетрадь, завернутый в коричневую бумагу. Трайн быстро перелистал страницы. Грэгэм заметил, что они были напечатаны на машинке.

— Вот мой маленький роман. Один из немногих, которые я написал, — сказал Трайн, зажигая сигару. — Я решил подражать одному автору. Моя история происходит в Руритании. В этой стране есть крепость, которая называется Стронг. Она возвышается, на берегу и построена тысячу лет назад. Над крепостью — башня, которую бдительно охраняют, так как там спрятаны бриллианты князя-правителя. На досуге я разработал план, где умный и решительный человек, строго выполняющий все его пункты, успешно похищает бриллианты. Гениальная история. Если прочтете мой небольшой рассказ, то заметите, что бриллианты в нем фигурируют под названием «фрукты», а солдаты, охраняющие их, «сторожа». Если случайно книга попадает к посторонним, то никто не поймет связи между отдельными эпизодами. Они понятны только посвященным. Теперь возникает вопрос, — он равнодушно перелистывал страницы, — достаточно ли вы заинтересовались этой милой историей.

Грэгэм утвердительно кивнул.

— В утреннем выпуске газеты есть объявление о маленькой красиво меблированной даче, — сказал Трайн. — Вы найдете его в третьем столбце десятой страницы «Мегафона». Если захотите снять эту дачу на месяц-два, вам дешево сдадут ее. Там живет дворник. Я уверен, что каждый день в десять вечера вы найдете эту книгу на столе. Она там будет до часа ночи. За месяц вы должны выучить текст буквально наизусть.

Трайн вынул из записной книжки газетную вырезку и подал Грэгэму.

— Я сегодня же напишу туда, — хрипло сказал Грэгэм.

Трайн одобрил решение, снова запер книгу и сейф и посмотрел на Диану.

— Для вас, мисс Мэртин, я приготовил другой маленький роман. Но об этом поговорим в другой раз.

Он засунул руки в карманы, подошел к окну и посмотрел на Сохо-сквер. Когда Диана тоже выглянула в окно, то увидела знакомую фигуру.

— Странно! — удивилась она.

— Что странно? — спросил Трайн, не поворачивая головы.

— Это ведь та дерзкая маклерша, которая забралась сегодня утром в мою квартиру, чтобы рекомендовать прислугу! Она без приглашения вошла в комнаты. Я застала ее у дверей моего салона.

— В самом деле? — Трайн не повернулся. — Это замечательно! Вы говорите об этой полной даме... Как она представилась?

— Миссис Оллорби!

— Это ее настоящее имя, — сказал Трайн. — Эмилия Оллорби.

— Разве вы знаете эту женщину? — изумилась Диана.

— Да. Она — детектив Скотлент-Ярда. Надеюсь, вы не говорили о важных делах перед тем, как обнаружили эту женщину у дверей салона.

Диана побледнела.

— Но что ей нужно? Что она здесь делает? Может быть, она следила за мной?

Диана нервничала, у нее даже голос изменился.

— Вполне возможно. Пустое любопытство — качество, простительное женщине. Но если любопытство проявляет миссис Оллорби, значит не просто так.

Трайн повернулся к Диане и улыбнулся.

— Детектив наблюдает не тогда, когда он что-то знает, а тогда, когда хочет узнать. Я за свою жизнь так долго и непрерывно находился под наблюдением, что буду себя чувствовать скверно, если наблюдение прекратится. Видимо, эта женщина хочет знать, зачем вас посещал Грэгэм Халовель. А если это ей уже известно, то, наверное, нужны сведения о его планах на будущее. Скотлент-Ярд очень интересуется людьми, которых только что выпустили из тюрьмы.

— Она следит за мной? — спросил Грэгэм. — Я с этим покончу...

— Никогда не покончите! — Трайн был вежлив и убедителен. — Пусть наблюдает... Это полезно ее глазам.

— Она совсем не похожа на прачку, как мне показалось раньше, — удивленно сказала Диана.

— Она много перерыла чужого грязного белья, — иронически заметил Трайн. — Это очень деятельная женщина, уверяю вас. — Трайн поморщился. — Знаете ли, мисс Мэртин, будет куда лучше, если вы снимете дачу в Кобэме и будете туда приглашать вашего друга Грэгэма. Конечно, это будет против правил приличия и нравственности, но, я думаю, — Трайн поднял брови, — что вы это вправе делать. Я не могу точно вспомнить, как долго вы уже повенчаны с Грэгэмом, но, мне кажется, это произошло за месяц до его ареста.

Диана до крови закусил губы, но ничего не сказала. Эту маленькую тайну, очевидно, знали и другие.

— Если не ошибаюсь, это было в отделе актов гражданского состояния в Уорчестершире? — Трайн произнес это так, как будто только что вспомнил давно забытую историю. — Вы венчались под именем... Впрочем, это к делу не относится.

— Конечно, не относится, — холодно согласилась Диана. — У вас первоклассное информационное бюро, мистер Трайн!

Он захихикал.

— Совершенно верно! Вы можете смело изучить книгу со своим мужем.

— Ну, а если я не приму участия в деле? — спросила Диана. — Что изменится?

Трайн пожал плечами.

— Какая разница между ста и пятьюдесятью тысячами фунтов? Возможно, потом сумма еще увеличится. Милая мисс Мэртин! Если у вас богатое воображение, представьте, какой шум вызовет это дело во всем мире. Вы помните исчезновение знаменитой картины Леонардо да Винчи «Мона Лиза»? Наше дело будет во сто крат громче. «Фрукты» — будем их так называть — исчезли. Господин, по поручению которого проведено это дело, уплатил сполна. Сколько же, вы думаете, заплатит владелец «фруктов», чтобы получить их обратно? И он, к тому же, не задаст никаких вопросов и не прибегнет к помощи властей, даже если станет известна правда.

— Вы думаете, что сумеете вести двойную игру? — спросил Грэгэм.

— Двойную игру?... Я этого не понимаю, — Трайн прикинулся наивным.

Он внимательно изучал длинный столбик пепла сигары, потом сказал:

— Я думаю, вам пора. Очень интересно знать, что предпримет миссис Оллорби... Я убежден, что после того, как вы уйдете из «Клуба Мусетрап», она немедленно прекратит наблюдение за ним.

Когда Диана и Грэгэм встали, Трайн сказал:

— Я предупреждаю вас, что Коллэй Веррингтон не знает, о чем мы сегодня говорили. Я ему не доверяю.

Трайн сделал ударение на слове «не доверяю». Диана ничуть не удивилась, ибо кто же доверял Веррингтону? Грэгэм думал о своем, когда они сидели в автомобиле, отвозившем их домой. Он все время

наблюдал через заднее стекло за миссис Оллорби, которая с нескрываемым интересом следила за их отъездом из клуба. Она сидела в такси.

Глава 6

Его высочество князь Кижластанский отдыхал, поджав ноги на диване, в своей комнате. Его темные блестящие глаза созерцали пустое пространство. Тонкие коричневые руки перебирали смарагдовую цепь, свисавшую с шеи. Время от времени он доставал из кармана золотую коробку и брал из нее щепотку желтого порошка. Потом он клал порошок на язык. Закрыв коробку, опускал ее в глубокий карман шелкового халата и опять смотрел в одну точку.

Рядом с князем лежали газетные вырезки. Через несколько минут он недовольно начал читать их.

Рикисиви, принц Кижластанский, воспитывался в известной английской общественной школе. Он превосходно владел английским, но его антипатия к англичанам была настолько сильна, что все переговоры с официальными учреждениями он вел только через переводчика. Князь был потомком королевской династии, управлявшей Индией несколько веков, задолго до появления там «Джон Компани». Его предки господствовали над жизнью и смертью бесправного народа, который, тем не менее, боготворил их, хотя мало кто из правителей проявлял мудрость и думал о благе народа. Но наступили другие времена, и короли превратились в простых смертных. Они вынуждены были отречься от престола. Одному правителю предлагали уйти в отставку, его место занимал другой. Такой поворот судьбы ожидал и князя. Ему, потомку королей, могли предложить отречься от престола и жить в Париже на правительственную пенсию. Тогда его преемник овладел бы несметными богатствами, собранными династией за века.

Проступок, вызвавший конфликт с губернатором Пондишери, не представлял интереса. Речь шла об убийстве одной женщины и пропаже другой. Главную же причину политических трудностей вызвало исчезновение одной красавицы из его дворца. Если бы ее нашли и допросили, то господству князя пришел бы конец. Но ее не нашли, да и не могли этого сделать. Разве что догадались бы покопаться в одном из роскошных садов, где она покоилась с еще одной жертвой, замученной князем.

Князь радовался, когда вспоминал, как он хитро обманул умных политических чиновников. Он полагал, если подобное удалось раз, то он и дальше сумеет замечать следы, а это значит, что никто не помешает ему впредь утолять страсть. Но когда его черные глаза неподвижно смотрели в пространство, он все больше приходил к выводу, что в его мраморный дворец значительно легче заманить евразийку — безропотную девушку с базара Кижластана, чем насильно увести за тридевять земель женщину из Европы. Только бы довести ее до Кижластана, а там — ищи ветра в поле. Слуги бы его не выдали, они безгранично преданы своему господину. Он бы тем самым отомстил проклятым белым, которые ни во что не ставили его, законного князя индийского.

Но как это сделать? Он уже перебрал десятки вариантов, но все они не годились.

В дверь, увешанную толстыми портьерами, легко постучали. Князь позвонил, тем самым разрешая посетителю войти. Это был переводчик. Он тихо заговорил с князем.

— Пригласи его, — разрешил князь.

Коллэй Веррингтон с порога низко поклонился и подошел к князю. Рикисиви напряженно наблюдал за ним через полуприкрытые ресницы.

Коллэй был одним из немногих, кого князь принимал в любое время, потому что он оказался настолько полезен индусу, что тот даже без опаски делился с ним сокровенными мыслями. После продолжительной беседы на разные темы они, наконец, перешли к главному — Гоуп Джойнер.

— Дело выгорит, — уверенно заметил Коллэй. — Удастся ли ее доставить через всю Индию в Кижластан, об этом вы знаете лучше меня. Я не имею представления о расположении гаваней. Где можно произвести высадку?

— Все очень просто, — ответил князь. — Гораздо проще, чем здесь, в Англии. В Индии женщина всегда ездит в карете, закрытой гардинами, и никто не посмеет обыскать экипаж. Но здесь...

Князь уныло покачал головой.

— Конечно, опасность есть, — сказал Коллэй, — но можно рискнуть. Ваше высочество, все упирается только в деньги. А каким путем вы возвратитесь?

— Пароходом «П. и Д.», — ответил князь.

Коллэй вытер рукой лоб.

— Тогда нам пришлось бы нанять яхту, это тоже опасно. В этом случае мы во многом будем зависеть от команды парохода. Но... ничего невозможного нет.

И Коллэй назвал громадную сумму. Но цифры Рики не интересовали.

— Деньги — ничего. Вам нужен помощник. Трайн...

— Нет, только не он, — решительно прервал его Коллэй. — Я знаю, что вы проделывали с ним кое-какие операции, но это не тот случай. Трайн немедленно расстроит наш план. Он весьма шепетилен, когда дело касается женщин.

Коллэй кое-что рассказал об отношении Трайна к женщинам. Не умолчал он и о пиратстве в открытых морях, которое тот поддерживал.

— Ближе к делу, Веррингтон! Вы знаете мисс Гоуп?

— Нет, но знают мои друзья. Она изумительно красива... Я не верю, чтобы она поехала с вами добровольно.

Индус удивленно посмотрел на собеседника.

— Неужели вы считаете меня настолько глупым, чтобы спрашивать ее согласия? Я даже больше не встречусь с ней. Я отправил ей письмо, в котором извинился за мой поступок с жемчугом. На этом наше знакомство закончено. Мисс Мэртин знает эту девушку. Не поможет ли она вам?..

Когда Коллэй подошел к дому Дианы, то заметил, как она и Грэгэм миновали ворота. Они молчали, и каждый, по-видимому, был занят собственными мыслями.

— Чего хотел от вас Трайн? — спросил он, войдя в комнату.

— Ничего особенного, — осторожно ответила Диана.

— Удивительный тип — старый Трайн. Говорят, будто он владеет всеми европейскими языками, кроме венгерского... Кстати, Диана, вы недавно видели маленькую Джойнер?

Диана подозрительно посмотрела на него.

— Под «маленькой Джойнер» вы подразумеваете молодую девушку, которая живет в Девоншир-Хауз? Нет, мы не встречаемся. А зачем это вам?

— Мне показалось, я ее видел, когда она шла к вам, — ответил он и тут же сменил тему:

— Что нужно было Трайну?

Диана умела лгать тоньше, чем Грэгэм.

— Он хочет открыть новый игорный дом. Но я ему сказала, что меня это не интересует.

Коллэй смотрел на нее сверлящим взглядом, и она поняла, что он не поверил ни одному ее слову.

— Трайн обычно не говорит о своих делах, его не интересует мнение непосвященных, — заметил Коллэй.

— Может быть, он хотел с нами поговорить о Гоуп Джойнер, — сказала на авось Диана.

Коллэй кивнул на эту удочку.

— В самом деле? — быстро спросил он. — Что же его интересовало?

Коллэй всего на мгновение выдал сам себя. Но тут же овладел собой и открыто посмотрел на Диану.

— Меня не удивляет то, что делает Тигр, — сказал он деланно равнодушно, но уже не мог обмануть бдительность Дианы и Грэгэма. — Уверен, он предложил тебе и... даже Грэгэму участвовать в деле, — добавил он язвительно.

Коллэй не скрывал, что не терпел Грэгэма. Диана невольно подумала о том, не знает ли Коллэй о ее «маленькой тайне», которую выведал Тигр.

— Не думаю, чтобы Тигр благодарил вас за то, что вы проникли в его тайны, — продолжал Коллэй. — Он настоящий дьявол, и чем меньше контактируешь с ним, тем лучше.

Коллэй начал говорить о чем-то другом, но Диана вдруг задала ему неожиданный вопрос. На сей раз Коллэй не оправдал своей репутации всезнайки.

— Миссис Оллорби?... Гм... Нет, никогда не слышал... Разве она работает с вами?

Скорее всего, он действительно ничего не знал о ней, и Диана решила больше не расспрашивать.

Миссис Оллорби начинала раздражать. Она невольно занимала ее мысли, несмотря на то, что была мелкой сошкой. Скорее всего сыщица наблюдала за Грэгэмом. Главное же, что беспокоило Диану, — она до сих пор, даже косвенно, не имела дела с полицией.

Диана провела бессонную ночь. Постепенно она пришла к выводу, что затея Трайна рискованная. На рассвете она приняла решение не участвовать в ней и сказала об этом Грэгэму, когда тот пришел после завтрака. Но он настаивал на своем:

— Дело совершенно безопасное, если им руководит Трайн. Быть может, пятьдесят фунтов и перспектива завладеть сокровищами раджи для тебя ничего не значит, но для меня это клад. Я устал от собачьей жизни.

— Миссис Оллорби... — начала Диана.

— Миссис Фидельбоген! — насмешливо перебил Грэгэм. — Какое она имеет отношение к нам? Она ведь следит за «Мусетрап-клубом».

— Почему же она пришла сюда? Почему стояла и подслушивала около моих дверей? Я теперь верю горничной, утверждавшей, что она заперла дверь... Просто у этой дерзкой женщины есть поддельные ключи. Грэгэм, будь благоразумен и хорошенько пошевели мозгами.

Он закусил губы и поморщился.

— Нужно поговорить с Трайном об этой женщине, — сказал он. — Если увижу его сегодня, непременно сделаю это.

Когда Грэгэм позвонил в дверной звонок, старый портье сказал, что мистера Трайна нет в секретариате, он, должно быть, завтракает в «Брессери Рояль». Грэгэм направился туда и с трудом нашел место за мраморным столиком. Когда он оглянулся, за одним из столиков увидел Трайна с сигарой в зубах. Грэгэм подошел к нему и заговорил о событиях вчерашнего дня. К удивлению Грэгэма, Тигр придал особе Оллорби гораздо большее значение, чем тот предполагал.

— Так что же думает об этом мисс Мэртин?

— Ничего, — сказал Грэгэм, — скорее всего, она случайно попала в квартиру Дианы...

Тигр покачал головой.

— Миссис Оллорби ничего не делает случайно. Я преклоняюсь перед ней! Если это было так, как вы предполагаете, зачем ей было выдавать себя за маклершу? Нет, милый мой, это не просто так. Она специально пришла и открыла дверь, потому что что-то ей показалось подозрительным. Но что она могла заподозрить, если еще не знала, что я хочу встретиться с мисс Мэртин?

Тигр задумчиво прикусил верхнюю губу.

— Возможно, она следила за вами, а не за вашей супругой, — добавил он. — Все равно это довольно неприятно.

— Это вас беспокоит? — спросил Грэгэм.

Улыбка медленно пробежала по старческому лицу.

— Меня, конечно, нет, — сказал Трайн весело. — Я знаю положение, которое занимает миссис Оллорби в Скотленд-Ярде.

Тигр рассказал, что сильная и дородная миссис Оллорби раньше была полицейским и получила должность в полиции-президиуме благодаря своей необыкновенной зрительной памяти на лица людей. Однажды она увидела фотографию некоего Берта Гоуля, которого искала полиция всех европейских стран. Миссис Оллорби не только разыскала его, но арестовала и с помощью полицейских доставила в Скотленд-Ярд.

— Она выдает себя за бродягу, но это не мешает ей раскрывать преступления, — объяснил Тигр. — У нее нет определенной работы, ее задача состоит в том, чтобы обеспечить работой своих коллег-мужчин. И она всегда успешно делает это.

Тигр привел несколько примеров, когда сыщица сыграла важную роль в раскрытии преступлений. Грэгэм был поражен.

— Она официальная сотрудница Скотленд-Ярда. — продолжал Тигр, — но вы не должны бояться того, что она за вами следит. Сам факт наблюдения не означает, что она вас подозревает в преступлении. Но она надеется заподозрить.

Тигр больше ничего не сказал о женщине-детективе.

Грэгэм ждал дальнейших инструкций в связи с большим планом. Он надеялся, что беседа не ограничится вопросом Трайна, написал ли он тем, кто сдавал дачу. Но Тигр, видимо, не был расположен говорить об этом. Только тогда, когда он поднялся и Грэгэм расплатился, разговор вдруг вошел в нужное русло. Правда, Тигр говорил настолько туманно и неопределенно, что Грэгэм лишь потом понял его глубину и связь с грандиозной идеей.

— Кажется, вы мало интересуетесь судоходством? — больше утверждал, чем спрашивал Тигр. — Вы случайно еще не видели «Притти Аннэ»?

— Нет, — ответил изумленный Грэгэм. — Это рыбацья лодка?

Трайн покачал головой. Он, как всегда был осторожен и взвешивал каждое слово, будто дело касалось судебного приговора.

— «Притти Аннэ» — морской корабль, но небольшой, и занесен в регистр Ллойда. Гм... Я бы на вашем месте немного занялся «Притти Аннэ» и познакомился бы с капитаном и владельцем судна. — Тигр сделал паузу. — Его зовут Эли Бос, и он, как вам сказать, — необразованный человек. Вы не найдете его в морском клубе... Кажется, он любит проводить время в харчевне «Три веселых матроса» в Лимхузе...

Грэгэм насторожился и спросил:

— Вы хотите, чтобы я с ним познакомился?

Трайн рассмеялся: